

ПОЭТИКА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

*Волынец Татьяна Николаевна,
(Минск, Белорусский государственный университет)*

Категория состояния – весьма интересная и своеобразная часть речи, о месте которой в грамматической системе русского языка до сих пор спорят исследователи. Её семантические и грамматические признаки вторичны по своему характеру: состояние может быть выражено и с помощью других частей речи – существительных, прилагательных, глаголов (см. у А. Вознесенского: *Я -- в кризисе. Душа нема. «Ни дня без строчки»,-- друг мой точит, а у меня -- ни дней, ни строчек...* или у И. Бунина: *И ветер, и дождик, и мгла Над холодной пустыней воды. Здесь жизнь до весны умерла, До весны опустели сады..*), а возможность образования форм сравнительной степени и неизменяемость в целом сближают слова категории состояния с наречиями. Единственная характеристика, благодаря которой лексемы типа *тихо, морозно, жаль...* были замечены и выделены Л.В. Щербой в самостоятельную часть речи, -- их независимая синтаксическая позиция и способность организовывать предикативный центр односоставного безличного предложения. Вторичность, ограниченность и замкнутость – эти свойства, на первый взгляд, не только не способствуют, а скорее даже препятствуют широкому использованию слов категории состояния в организации структуры и содержания поэтического текста. Однако при более детальном анализе обнаруживается, что при воплощении «воображаемого или эстетически отражаемого мира» [1] художественно-образительный потенциал слов данной лексико-грамматической группы используется в полной мере, при этом в каждом поэтическом идиостиле формируется свой круг лексем, передающих актуальные для автора смыслы.

Цель настоящей статьи – представить слова категории состояния и показать их роль в организации коммуникативной структуры поэтических текстов И. Анненского, А.Ахматовой, Н. Гумилёва, М. Кузмина, О. Мандельштама, М.Цветаевой.

При непосредственном анализе языкового материала мы установили, что все интересующие нас авторы не слишком часто используют слова категории состояния для репрезентации состояния субъекта или природы (у И. Анненского на 300 страницах текста встречается только 90 слов категории состояния, у А. Ахматовой в том же текстовом пространстве – 91, у О.Мандельштама – 94, несколько больше их у М.Цветаевой (130), у М. Кузмина (178) и у Н. Гумилёва (216)). Круг лексем, участвующих в коммуникативной ситуации характеристики состояния, достаточно ограничен (у И. Анненского их всего 30, у О.Мандельштама – 35, у А. Ахматовой – 38, у М. Цветаевой – 45, у Н. Гумилёва – 49 и только у М. Кузмина – 62), концентрация форм слов категории состояния в рамках одного стихотворного текста наблюдается редко (чаще других использует этот приём М. Кузмин), однако состав их заслуживает особого внимания.

Интересно, что из лексико-грамматической группы слов категории состояния для поэтов начала XX века особенно актуальны лексемы *нет, (не) надо, страшно, довольно, темно, пора, хорошо (лучше), нельзя, сладко, жалко, жаль, светло*. Они встречаются в поэтических текстах всех исследованных нами авторов. За ними следуют *можно, (не) больно, (не) лень, стыдно, (не) дано, легко, (не) трудно*: данные лексемы пересекаются в 5 индивидуально-авторских системах. Далее располагаются *тесно, невмочь, странно, душно, (не) видно, поздно, (не) слышно, тихо, ясно, жарко*: к ним с разной степенью частотности обращаются 4 автора из 6. Лексемы *грустно, пусто, скучно, горе, просто, холодно, суждено* участвуют в репрезентации состояния у 3 авторов из 6. Только у 2 авторов в построении поэтических текстов участвуют слова *мертво, невмочь, любо, печально, отрадно, радостно, свежо, тяжело, пустынно, уютно*. И наконец, у каждого из авторов есть свои слова категории состояния, характеризующие

индивидуально-авторское восприятие окружающего мира и лирического героя. У И. Анненского – это *скоро, дымно, бледно*; у А. Ахматовой – *горько, бесприютно, смутно*; у Н. Гумилёва – *звёздно, прохладно, (не) грех, грешно, дорого*; у О. Мандельштама – *морожено, далеко, приятно, необходимо*; только у М. Кузмина – *любовно, морозно, вязко, пленительно-буржуазно, весенне, молодо, предпразднично, смешно, обидно, сладостно, сухо, привольно, ветрено, приторно* и др.; у М. Цветаевой – *чудно, пламенно, безразлично, братски, мягко, вечно, вольно, лестно, красно, рано*.

Из всех отмеченных нами слов категории состояния самыми частотными являются слова *нет* и *надо/не надо*, с помощью которых

а) отрицается сам факт существования субъекта действия – *И нет рассказчика для жен В порочных длинных платьях, Что проводили дни, как сон, В пленительных занятиях* (О. Мандельштам. Увы, растаяла свеча...); *Полон и просторен Край. Одно лишь горе: Нет у чехов – моря* (М. Цветаева. Стихи к Чехии).

б) проявляются модальные значения долженствования (неизбежности), необходимости или желательности действия – *Ответь, ужели так и надо, Чтоб был, свидетель злых обид, У золотых ворот Царьграда Забыт Олегов медный щит* (Н. Гумилёв. Швеция); *Мне надо кому-то здесь руку пожать* (А. Ахматова. Путем всея земли); *Ах, наш сад, наш виноградник надо чаще поливать и сухие ветки яблонь надо чаще подрезать* (М. Кузмин. Канопские песенки).

в) указывается на то, что лирический герой испытывает (или, наоборот, не испытывает) потребность в ком-, чем-либо – *Успокоительной прохладой Уж веют быстрые года. Теперь, душа, чего нам надо? Зачем же бьёшься, как всегда?* (М. Кузмин. Успокоительной прохладой...); *Мне надо дымных туч с померкшей высоты, Круженья дымных туч, в которых нет былого* (И. Анненский. Мучительный сонет); *Нам подарков с острова не надо – Целый лес незваных кораблей* (О. Мандельштам. Собирались эллины войною...);

г) даётся оценка условий реализации действия (невозможность выполнения действия, отрицание необходимости выполнения действия и т.д.) -- *А у нас – тишь да гладь, Божья благодать. А у нас – светлых глаз Нет приказу подымать* (А. Ахматова. Я с тобой не стану пить вино...); *Для сердца нет уж больше обороны: Оно в плену, оно побеждено* (М. Кузмин. В потоке встречных лиц искать глазами...); *Ах, не надо юностью Любоваться – старости* (М. Цветаева. Пусть не помнят юные...).

Обращение авторов к данным лексемам не случайно. Слова *нет* и *надо (не надо)* являются исключительно экономным грамматическим средством – языковой единицей, способной организовывать предикативный центр без изменения своей формы, что весьма существенно для поэтической речи, стремящейся к краткости формы и объёмности содержания.

Лексема *нет* используется в основном для выражения отрицательной экзистенциальности, реже – для отрицания необходимости или невозможности выполнения действия, однако и в первом и во втором случае в каждой индивидуально-авторской системе вокруг данной лексемы формируется своя смысловая парадигма.

Так, в поэтических мирах Н. Гумилёва и М. Цветаевой явно преобладает отрицательная бытийность, поэтому в семантическое окружение лексемы *нет* втягиваются в основном конкретные и вещественные имена существительные (с зависимыми словами и без них) или личные местоимения: ср.: Н. Гумилёв -- *нет дома, подобного этому дому, струн (у счастья на лютне); воды, вкуснее, чем в Романье; прекрасней женщин, чем в Болонье; царя (у обезьян); принца (в арабских сказках); детей у мандарина; подруги (на свете); тонких пальм; вина в глубокой чашке; слов обидных или властных; тебя тревожней и капризней..* М. Цветаева – *нет крупнее и слаще кладбищенской земляники; длинней ресниц; моей руки; меня; друзей (у лунатика и гения); одежды (чистым); тебя грешнее; (на память) ни письма ни кольца; (на свете) той расчёски чудней*. Причем оба автора тяготеют к абсолютизации бытия, к совершенству без границ, поэтому психологическое состояние их лирических героев нередко определяется с помощью отрицательных конструкций, смысловое пространство которых

формируется словом **нет** в сочетании с именем существительным, определяемым формой сравнительной степени прилагательного, что позволяет подчеркнуть неповторимость и исключительность поэтического образа.

Для И. Анненского в равной степени актуальны как сам факт отрицания существования предмета, так и факт невозможности выполнения действия. Для его лирического героя важно не только то, что **нет солнца, дождя, тебя виновней, слез разлуки**, он также страдает оттого, что **нет конца/начала (тебе, тоскующее я); забвенья, путей никому никуда; силы .. сойти с замороженного порога;** что он **любит все, чему в этом мире ни созвучья, ни отзвука нет;** радуется потому, что **нет разлуки (в миге встречи) фальши (в эмфазе слов); упрёка (в твоих глазах).**

Столь же интересен и информативен анализ употребления конструкций с грамматическим центром, организуемым словами **надо/не надо**.

Первое, что обращает на себя внимание, семантика необходимости или желательности действия актуализируется в основном в лирике И. Анненского и Н. Гумилёва. В их поэтических текстах преобладают конструкции «надо + зависимый инфинитив». – *Ведь под снегом сердце билось, Там тянулась жизни нить; Ту алмазную застылость **Надо было разбудить*** (И. Анненский. Дочь Иаира); *Ромул сказал: «Волей созвездий Мы обрели наш древний почет». Рем отвечал: «Что было прежде, **Надо забыть**, глянем вперёд»* (Н. Гумилёв. Основатели). У этих же авторов слово **надо** довольно часто используется в значении ‘нуждаться, испытывать потребность в ком-, чём-либо’. – *Погасла последняя краска, Как шёпот в полночной мольбе... **Что надо**, безумная сказка, от этого сердца тебе?* (И. Анненский. Тоска миража); *И если владеешь ты лёгкой ладьёй, Вином и женщиной милой, **Чего тебе надо ещё?** Ты во всём подобен гениям неба* (Н. Гумилёв. Счастье).

Конструкции с противоположным значением ‘не нуждаться, не испытывать потребности в ком-, чём-либо’ часто встречаются у А. Ахматовой и М. Цветаевой. Так, лирической героине А. Ахматовой **не надо чужого; песен; венца; слов; пленников, заложников, рабов**. Отказываясь от хлеба, соли, ручных голубей, лебедей орлят, славы, сокровищниц Соломона, лирическая героиня М. Цветаевой доходит до полного отрицания вещного мира: *ничего нам **не надо**, ничего для себя **не надо**; от вас ничего **не надо*** – этот мотив – один из главных в её творчестве.

Отрицание необходимости действия чрезвычайно актуально для М. Кузмина и О. Мандельштама: их лирические герои воспринимают бездеятельность как благо. – *Какие бросит тени В пространство милый взгляд? Не знаешь? **И не надо смотреть**, мой друг, назад* (М. Кузмин. Музыка); *Иных богов **не надо славить**: они как равные с тобой* (О. Мандельштам. Есть целормудренные чары).

Только у Н. Гумилёва и М. Цветаевой встречается употребление слова **надо** в отчетливо выраженном модальном значении долженствования, неизбежности действия – *Я не скорблю. **Так было надо**. Правый Перед собой, не знаю я обид* (Н. Гумилёв. Из пятистопных ямбов). *И не раскроются – **так надо** – О, пожалей! Ни для заката, ни для взгляда, Ни для полей – Мои опущенные веки* (М. Цветаева. Стать тем, что никому не мило...). И в первом и во втором случае авторы, вводя в текст синтаксическую единицу, в структуру которой входит лексема **надо** в сочетании с местоименным наречием **так**, акцентируют внимание на предопределенности действия, его зависимости от судьбы и рока и независимости от воли человека.

В отрицательных конструкциях, которые используют поэты, семантическое окружение слов **нет, надо, не надо** очень часто формируется отглагольными именами существительными – языковыми знаками, конденсирующими в себе целую ситуацию (*нет забвенья = невозможно забыть, нет ответа = никто не отвечает, нет возврата = нельзя возвратиться, не надо встречи = не надо встречаться, не надо ваших жалоб = не надо жаловаться*).

Нередко отрицательные конструкции со словами **нет, надо, не надо** в поэтическом тексте обрастают дополнительными смыслами и расширяют своё семантическое пространство

до глобальных обобщений. Строки М. Цветаевой *У лунатика и гения нет друзей* («Луна – лунатику») прочитываются не буквально, за ними кроется страшное чувство одиночества поэта, которое позже выкристаллизуется в ещё более беспощадные строки: *Мне безразлично, на каком Непонимаемой быть встречным!* («Госка по родине!»). Ахматовское *О, как ты часто будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане* в контексте стихотворения «Из памяти твоей я выну день...» звучит как укор, как предупреждение: грань между действительностью и миражами тонка и неуловима, не надо переступать через неё, это мучительно. «*Забывается досада, Тупы ревности шипы, Мне не надо, мне не надо Мной изведанной тропы*», -- заявляет М. Кузмин в стихотворении «Сколько раз тебя я видел...», и в сознании читателя декодируется информация о прошлом опыте и возникает образ лирического героя, стремящегося защитить, уберечь себя от любви, потому что она приносит боль, а не счастье.

При репрезентации эмоционального состояния и психологических переживаний лирического героя авторы широко используют эстетические возможности слов *страшно*, *хорошо* (*лучше*), *сладко*, *жалко*, *жаль*, а при оценке состояния природы и окружающей среды чаще других встречаются лексемы с противоположным значением – *светло* и *темно*.

Из всех перечисленных нами лексем особенно интересны слова *страшно* и *хорошо/лучше*: они занимают центральное положение в индивидуально-авторских системах 5 поэтов. Первое не слишком любимо М. Цветаевой (в её текстах *страшно* встречается только три раза), а второе не характерно для И. Анненского (*хорошо/лучше* автор вводит в свои лирические произведения всего два раза).

Чувство страха огромно и всеобъемлюще, однако в сознании людей оно всегда приобретает индивидуальные формы.

У лирической героини А. Ахматовой страх всегда сопровождает любовь – «...*страшно её угадать в ещё незнакомой улыбке*», страшно, что очень скоро это чувство пройдет и ты окажешься брошенной, покинутой, ввергнутой в ледяное безмолвие одиночества. – *После ветра и мороза было Любо мне погреться у огня. Там за сердцем я не уследила, И его украли у меня. ... Ах! Не трудно угадать мне вора, Я его узнала по глазам. Только страшно так, что скоро, скоро Он вернёт свою добычу сам.*

Н. Гумилёва интересуется внутреннее состояние страха, которое лирический герой должен победить в себе. Не случайно предикатив *страшно* поэт нередко употребляет в сочетании с *не*: *Мне не страшно, я ли скроюсь От грозящего врага?* («Невеста льва») или *Страшно ждать, но встать ещё страшнее. Где он, где он ангел светлокрылый?* («Крыса»).

Для И. Анненского чувство страха глубинно: истоки его в природе человеческого «я», его замкнутости внутри себя, в трагедии отторженности человека от целого. Тема *нет путей никому никуда* здесь получает дальнейшее развитие и трансформируется либо в риторический вопрос *Не страшно ль иногда становится на свете?*, который звучит скорее как утверждение, либо в констатацию факта – *Но ... бывают такие минуты, когда страшно и пусто в груди* («Canzone»). Страх одиночества, страх смерти, абсолютный, необъяснимый страх перед жизнью – вся эта гамма чувств передается лексемой *страшно* в лирике О.Мандельштама. – *Куда как страшно нам с тобой, Товарищ большепотый мой!* («Новые стихи»); *На высоком перевале В мусульманской стороне Мы со смертью пировали – Было страшно, как во сне* («На высоком перевале»). *Вернись ко мне скорее, Мне страшно без тебя* («Я наравне с другими...»).

Страх М. Кузмина более приземлённого характера. Его лирическому герою «...*страшно, что в квинтете меня заставят петь*» («Летающий мальчик»); «...*страшно ноги смочить в дожде*» («Боги, что за противный дождь»). Культ малого, ориентация на передачу ни к чему не обязывающих впечатлений и переживаний [2, 11] – эти характеристики творческой манеры М. Кузмина в полной мере объясняют использование лексемы *страшно* для описания элементарных житейских ситуаций.

Индивидуальность и независимость авторского восприятия мира в полной мере проявляется и при анализе смыслового пространства, создаваемого словами категории состояния в целом. У каждого автора в нем можно выделить свой центр и периферию.

Так, у **И. Анненского** центральное место при описании состояния занимают лексемы *страшно, больно, нельзя, довольно, пора*. В сознании лирического героя чувство страха (*страшно*) переплетается с чувством боли (*больно*), дополняется императивом запрета, истощенности действия (*нельзя, довольно*) и усиливается ощущением неотвратимости и беспощадности времени (*пора*). -- *Не правда ль, больше никогда Мы не расстанемся? Довольно?... И скрипка отвечала да, Но сердцу скрипки было больно* (“Смычок и струны”). *Я полюбил безумный твой порыв, Но быть тобой и мной нельзя же сразу, И, вещей снов иероглифы раскрыв, Упорную пишу я четко фразу* (“Другому”). *Бьёт пять часов – пора домой: И наг, и тесен угол мой... Но до свиданья, до свиданья!* (“Бессонные ночи”).

Другие слова категории состояния (*невмочь, невозможно, грустно, тоскливо, тошно, жутко, стыдно, мертво, темно, дымно, пусто, бледно*), встречающиеся в текстах поэта, находятся на периферии смыслового пространства, но, собранные все вместе, создают резко отрицательный эмоциональный фон и участвуют в создании образа лирического героя -- человека растерянного перед жизнью, с трагическим безверием в душе, бессильного перед временем и судьбой. И даже обращение автора к лексемам с прямо противоположной семантикой (*хорошо, светло, можно*) не может разрушить этот образ: слишком высока в нем концентрация отрицательного опыта, слишком много в нем подлинной боли, истинной и глубокой скорби.

Для психологического состояния лирической героини **А. Ахматовой** характерны контрасты. Эта особенность авторской лепки образа отчетливо проявляется в выборе слов категории состояния. Для поэта в равной степени важны и актуальны смыслы, передаваемые, с одной стороны, лексемами *страшно, невесело, душно*, а с другой – лексемами *хорошо/лучше, светло, тихо*. И первые и вторые используются автором как при передаче психологического состояния лирической героини, так и при оценке окружающей её среды. – *Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых, Их запомнили все мы до конца наших дней* («Небывалая осень построила купол высокий»); *Все мы бражники здесь, блудницы, Как невесело вместе нам!* («Все мы бражники здесь, блудницы...»). *Я окошка не завесила, Прямо в горницу гляди. Оттого мне нынче весело, что не можешь ты уйти* («Я окошка не завесила...»). *Лучи зари до полночи горят. Как хорошо в моем затворе тесном!* («Бессмертник сух и розов...»). *Наше священное ремесло Существует тысячи лет... С ним и без света миру светло* («Наше священное ремесло...»). Однако при расширении смыслового пространства и выходе на периферийные лексемы отчетливо видно, что лирическая героиня А. Ахматовой остро ощущает несовершенство мира, где «горя много, счастья мало». В нем есть боль (*больно*) и печаль (*печально*), в нем пугают темнота (*темно*) и пустота (*пусто*), в нем часто бывает *горько, смутно, холодно, бесприютно, трудно* и многое *нельзя* иль *невозможно*. Положительный эмоциональный фон присутствует, он шире, чем у И. Анненского, в его создании участвуют лексемы *можно, сладко, любо, видно, легко, просто, не трудно, ясно*, но состояние душевного комфорта для лирической героини А. Ахматовой слишком неустойчиво и иллюзорно. Не случайно автор в пределах одного контекста нередко объединяет лексемы с прямо противоположным значением. В ахматовских стихотворениях слова категории состояния участвуют в создании не только простой, но и развернутой смысловой антитезы – *Как светло здесь и как бесприютно... ; Все расхищено, предано, продано, Черной смерти мелькало крыло, Всё голодной тоскою изглодано, Отчего же нам стало светло?* (А. Ахматова. *Все расхищено, предано, продано...*); *У тебя светло и просто. Не гони меня туда, Где под душным сводом моста Стынет грязная вода* (А. Ахматова. *Здравствуй! Легкий шелест слышишь...*). Иногда возможности смыслового противопоставления слов категории состояния А. Ахматова использует для выражения высшей степени столкновения противоположных

эмоций, в результате появляются оксюморонные сочетания -- *И как могла я ей простить Восторг твоей хвалы влюблённой... Смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнажённой.*

Н. Гумилев обращается к словам категории состояния чаще других авторов, поэтому в смысловое пространство его текстов втягиваются семантически разнородные лексемы, создающие как положительный, так и отрицательный эмоциональный фон. Центральное место при передаче движений души лирического героя, его восприятия жизни и окружающего мира в творчестве поэта занимают лексемы *сладко* (10), *страшно* (9), *можно* (9), *странно* (9), *поздно* (8), *больно* (7), *нельзя* (7), *слышно* (6), *тихо* (6) *жалко* (6), *(не) дано* (6); *хорошо/лучше* (5), ближняя периферия включает слова *темно* (4), *пора* (4), *грустно* (4), *весело* (4), *горе* (4), к дальней периферии относятся лексемы *светло*, *тесно*, *довольно*, *лень*, *стыдно*, *жутко*, *душно*, *легко*, *видно*, *тщетно*, *плохо*, *радостно*, *ясно*, *дорого*, *грешно*, *свежо*, *(не)грех*, *охота*, *(не)уютно*, *пустынно*.

Для лирического героя Н. Гумилёва чрезвычайно важно:

-- положительное восприятие окружающего мира и себя в нем – *Мне сладко вам служить. За вас Я смело миру брошу вызов* («Маркиз де Карабас»); *Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом, Где над людской толпой потрескивает газ* («Разговор»); положительное при любых условиях – *И мне сладко – не плачь, дорогая, Знать, что ты отравила меня* («Отравленный»).

-- состояние тишины вокруг – *Подожди, погаснет скучный день, В мире будет тихо, как во храме* («Пещера сна»); *Как тихо стало в природе! Вся -- зренье она, вся – слух* (Канцона третья).

-- наличие условий или возможностей, способностей, умений для осуществления действия – *Видишь вокзал, на котором можно В Индию Духа купить билет* («Заблудившийся трамвай»); *Паровоз упрямый, пыхти! Дребезжи и скрипи, вагон! Нам дано наконец прийти Под давно родной небосклон* («Сентиментальное путешествие»).

Он часто

-- страдает от внутреннего состояния страха (см. выше) и состояния физической или душевной боли -- *И я не стану думать, вольный, О милой девочке, с которой Мне было нестерпимо больно* («Ты не могла иль не хотела...»); отсутствия условий или возможностей для выполнения каких-либо действий – *И грустно вам, что мир неисчерпаем, что до конца нельзя его пройти* («Вы пленены игрой цветов и линий...») *И если в этом мире не дано Нам расковать последнее звено, Пусть смерть приходит, я зову любую!* («Сонет»);

-- сожалеет по поводу упущенных возможностей, отсутствия, исчезновения кого-, чего либо, – *И стало мне вдруг так больно, Так жалко стало дня, Своею дорогой вольной Прошедшего без меня* («Творчество»); *Она ловила тонкою рукой Его стальные руки – было поздно* («Дездемона»),

-- испытывает чувство удивления, недоумения по поводу кого-, чего-либо – *Как странно двуспальной кровати, что к ней, лишь зажгутся огни, Идут не для сна иль объятий, А так, для одной болтовни* («На кровати, превращенной в тахту»).

Нередко Н. Гумилёв использует в своих стихотворениях семантическое и грамматическое противопоставление форм положительной и сравнительной степени слов категории состояния. Оппозиция форм завершает развитие темы и выступает как основное смыслообразующее средство в небольшом по объёму, но философском по содержанию стихотворении “Утешение.” Размышляя о том, кем бы он мог стать и кем стал в этой жизни, лирический герой, мучась от нереализованности своих возможностей и желаний, утешает себя тем, что

*“Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: “Пусть плохо мне приходится,
Было хуже богу моему,
И больнее Было богородице”.*

Еще одна характерная для Н. Гумилёва особенность – тяготение к именной форме представления состояния. Поэт, в отличие от других авторов, активно использует в качестве предикативных центров слова категории состояния, по происхождению являющиеся существительными, – *горе, пора, лень, охота*. – **Горе мне!** Я не трибун, не сенатор, Я только бедный бродячий певец («Императору»); *Та, другая, вероятно, зла, Ей с тобой встречаться даже лень...* («Пролетела золотая ночь...»). *Когда ж умнее станешь всех, тогда и убежать не грех* («Мик»).

В идиостиле **М. Кузмина** отбор слов категории состояния свидетельствует о самодостаточности поэта, его радостном мироощущении, стремлении уйти от заведомой проблемности и целесообразности.

Центральное место в смысловом пространстве, создаваемом словами категории состояния, у М. Кузмина занимают синонимичные лексемы *сладко* (10 словоупотреблений), *хорошо/лучше* (6) *отрадно* (5). Они принимают участие в формировании легкого, живого, веселого образа лирического героя – свободного, непредсказуемого, непринужденного. В любых ситуациях и при любых условиях он доволен собой, миром, окружающими его людьми, он умеет радоваться тому, что есть, и не требует от жизни большего, чем она может дать. – *Разбукетилось небо к вечеру, Замерзло окно. Не надо весеннего ветра, Мне и так хорошо* («Лодка в небе»). *Молочный пар ползет болотисто, Волы лежат на влажных пастбищах, В густые травы сладко броситься, Иного счастья не ища!* (Родина Виргилия). Сладко чувство любви, пока тебя любят и пока любишь ты – *Как сладко цепь любви нести, Как сладко сеть любви плести В такую ночь!* («В такую ночь, как паутина...»). Приятно и радостно умение владеть своими чувствами -- **Отрадно**, *овладев влюбленности волненьем, Спокойно с виду чай с инбирным пить вареньем* («Отрадно улетать в стремительном вагоне»). Лишь две лексемы – *страшно и темно* – диссонируют с празднеством духа, царящим в творчестве М. Кузмина, однако страх и темнота у поэта не пугают, в них нет безысходности – *Сухой цветок, любовных писем связка, Улыбка глаз, счастливых встречи две, -- Пускай теперь в пути темно и вязко, Но ты весной бродил по мураве* («О, быть покинутым – какое счастье!»). *Чем рассудку темней и гуще, Тем легче легкой душе* («Рыба»). Введенные в состав уступительной (1-ый пример) и сопоставительной (2-ой пример) конструкций, грамматические формы *темно, темнее* (кстати, М. Кузмин так же, как и Н. Гумилёв, довольно часто использует художественно-образительные возможности форм сравнительной степени слов категории состояния) оказываются в центре смыслового противопоставления, в котором нейтрализуется отрицательное семантическое содержание лексемы *темно*.

Атмосфера радостного мироощущения в творчестве М.Кузмина поддерживается и лексемами *легко, нетрудно, светло, не темно, тепло*. К первым двум автор обращается при передаче настроения героя или оценке предстоящего ему действия – *Голландия! Конец пути. Идти легко, как паре в дышле* («Все четверо»); *Мою любовь, мои томленья В тебе мне легче вспоминать* («Равенна»). Последние три отражают оценку и восприятие окружающего мира, его дружелюбность по отношению к лирическому герою – *Кругом светло, кругом улыбки... Что это? сон? знакомый сон?* («Дом»); *И нам тепло и не темно нам, Уютно. Качки нет следа* («Луна»).

Прямо противоположные эмоции испытывает лирический герой **О. Мандельштама**. Страх (*страшно*), темнота (*темно*), чувство тяжести (*тяжело, тяжело, трудно*) холода (*холодно*) и постоянные *нельзя, невозможно, не дано, суждено, устроено* сопровождают его жизненный путь. – *Мне хочется бежать от моего порога. Куда? На улице темно*, -- пишет поэт в стихотворении «1 января 1924 года». И никуда не уйти от этой темноты, потому что это не просто недостаток света, а что-то мрачное, безрадостное, злое. Оно вокруг нас, оно внутри нас, оно давит и лишает радости жизни. Немного позже, в 1933 году, это «что-то», завуалированное плащом истории, приобретет более отчетливые формы – *В Европе холодно. В Италии темно. Власть отвратительна, как руки брадобрея* («Ариост»). Отсюда и постоянные

«страшно в мире душном», «мне холодно», отсюда мотив бессилия человека и константа императива запрета. С маятником судьбы **невозможно встретиться, условиться**, от него **не дано уклониться**. В этом мире **Нельзя дышать, и твердь кишит червями, И ни одна звезда не говорит** («Концерт на вокзале»), и человеку ничем **нельзя помочь**, потому что законы на стороне врагов («Домби и сын»). А если что-то и даётся человеку свыше, то дар этот не приносит счастья, потому что *счастье катится, как обруч золотой, Чужую волю исполняя, И ты гоняешься за легкой весной, Ладонью воздух рассекая. И так устроено, что не выходим мы Из заколдованного круга...* («Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»). Радостное восприятие мира, удовлетворённость жизнью и собой свойственно только ребёнку -- *Когда заулыбается дитя С развилкой и горечи, и сласти, Концы его улыбки, не шутя, Уходят в океанское безвластье. Ему непобедимо хорошо: Углами губ оно играет в славе – И радужный уже строчится шов Для бесконечного познания яви* («Когда заулыбается дитя...»). Но чем дальше шагает он по дороге жизни, тем реже эти минуты, тем чаще человек испытывает и радость и страдание одновременно – **И так хорошо мне и тяжело, Когда приближается миг, И вдруг дубовая растяжка Звучит в бормотаньях моих** («Люблю появление ткани...»).

На периферии смыслового пространства, организуемого словами категории состояния, в идиостиле О. Мандельштама находятся лексемы *долго, далеко, довольно, можно, лень, сладко, стыдно, жаль, душно, видно, мало, слышно, легко, морожено*. Они разнородны по семантике и характеру оценок (среди них есть слова как со знаком «плюс», так и со знаком «минус»), они обеспечивают многообразие проявлений чувств и настроений лирического героя, но не способны разрушить его общее тревожно-трагическое мировосприятие, создаваемое центральными (ключевыми) лексемами.

Стремление идти нехоженными путями, быть непохожей на всех, столь характерное для **М. Цветаевой**, проявляется в ее творчестве и при выборе языковых средств для описания быстро меняющихся примет душевного состояния. «Протестующий, упорно отстаивающий собственное «я» дух» [3, 15] её лирической героини, ее стремительность и взволнованность чаще всего выражаются порывистой и прерывистой поэтической речью, отражающей состояние души со стремительной непосредственностью переживаемой минуты [3, 15]. Там, где недостаточно задыхающейся отрывистости, дробления фраз на краткие, взрывчатые эмоциональные куски, интонационных и ритмических модуляций, на помощь приходят имена и глаголы. – *На бренность бедную мою Взираешь, слов не расточая. Ты – каменный, а я пою, Ты – памятник, а я летаю* (“На бренность бедную мою...”); *Кто создан из камня, кто создан из глины, -- А я серебро и сверкаю! Мне дело – измена, мне имя – Марина, Я – бренная пена морская* (“Кто создан из камня, кто создан из глины...”). На фоне этого “завораживающего потока гибких, вовлекающих в себя ритмов” [3, 11], этого, по определению М. Цветаевой, равенства души и глагола слова категории состояния занимают весьма скромное место. В созданном авторским воображением мире они используются не так уж часто. В центре информативного пространства, создаваемого словами категории состояния в поэтических текстах М. Цветаевой, находятся лексемы *пора, жалко, жаль, (не) лень, хорошо/лучше* (как и Н. Гумилёв, М. Цветаева при оценке состояния души нередко отдаёт предпочтение словам категории состояния именного происхождения). Её лирическая героиня остро ощущает неумолимость времени, неизбежность действия, не всегда радостного, не всегда согласованного с твоей волей и желаниями – *Раз сугробы подаются – Пора расставаться!* («А сугробы подаются...»); *И я вошла, и я сказала: -- Здравствуй! Пора, король, во Францию, домой!* («Руан»); невозможность дышать и жить в мире, враждебном человеку, -- *О черная гора, затмившая -- весь свет! Пора – пора – пора Творцу вернуть билет. Отказываюсь – быть. В бедламе нелюдей. Отказываюсь – жить. С волками площадей* («О, слёзы на глазах!»). Отсюда и столь частое нежелание действия – *Вам одеваться было лень И было лень вставить из кресел...* («Подруга»). Бездействие равно состоянию внутренней свободы, нередко оно в большей степени импонирует автору, потому что не требует поступков, которые не хочется

совершать, не будит чувство долга и позволяет быть просто самой собой – *И оттого, что целый день Сны проплывают пред глазами, Уж ночью мне ложиться – лень. И вот, тоскующая тень, стою над спящими друзьями* («Восхищенной и восхищённой»); *Любовь. – Старо. Грызу перо. Темно, -- а свечку лень зажечь* («Люблю ли вас?»). Бездействие настолько комфортно, что желание действия иногда вызывает удивление – *После стольких роз, городов и тостов – Ах, ужель не лень Вам любить меня?* («После стольких роз, городов и тостов...»).

В лексемах *жалко, жаль и хорошо/лучше* отражается быстро меняющееся настроение лирической героини. Душа её то переполняется чувством горечи по поводу утраты чего-нибудь – *Знали бы вы, ближний и дальний, Как головы Собственной жаль мне* («Тише, хвала!»); то, наоборот, радуется малому – *Дрожат на люстрах огоньки, Как хорошо за книгой дома!* («Книги в красном переплёте»), радуется даже тогда, когда, казалось бы, надо плакать – *И так хорошо нам вдвоём – Бездомным, бессонным и сирым... Две птицы: чуть встали -- поём, Две странницы: кормимся миром* («Але»). Соединение противоположных смыслов наблюдается и при включении в текст близких по значению лексеме *хорошо*, но периферийных для идиостиля М.Цветаевой лексем *радостно, сладостно, сладко*. – *В дивном граде сём, В мирном граде сём, Где и мертвой мне Будет радостно, -- Церевать тебе, горевать тебе, Принимать венец, О мой первенец!* («Стихи о Москве»); *Никто ничего не отнял – Мне сладостно, что мы врозь! Целую Вас через сотни Разъединяющих верст* (М. Цветаева «Никто ничего не отнял...»). В этой радости вопреки обстоятельствам (*.. сладко вылиться Горю – ливнем проливным*) отчетливо проявляется бунтарский дух цветаевской героини и дерзость гордого вызова судьбе.

Обращает на себя внимание и часто встречающийся в стихотворных текстах М. Цветаевой сознательный повтор слов категории состояния, использование их в качестве рефрена. Это актуализирует и усиливает смысловую значимость информационного пространства лексем, создает в сознании читателя образ страстной и безудержной лирической героини, страдающей от своей «безмерности в мире мер». – *А сугробы подаются, Скоро расставаться...* – так начинается третье стихотворение из цикла «Сугробы», и строки эти на протяжении монолога героини о неизбежности расставания, разрыва с любимым повторяются ещё три раза, трансформируясь в конце в горькое, но решительное – *Раз сугробы подаются – Пора Расставаться!* В качестве основного смыслообразующего средства выступает и лексема *рано* в стихотворении «Рано ещё – не быть!», повторяющаяся 4 раза и фокусирующая внимание читателя на мотиве преждевременности происходящего в душе героини и вокруг.

Итак, как показывает проведенное нами исследование, функционально-прагматическое значение слов категории состояния в структуре поэтического текста заключается в выражении психологического и эмоционального состояния и настроения лирического героя, оценке его жизненного пространства. Кроме того, слова категории состояния обладают определенной долей информативности об авторе, поскольку отбор лексем и группировка их в языках возможных миров осуществляется в зависимости от авторских целевых установок. В каждой поэтической системе есть свои центральные (ключевые) и периферийные лексемы. В первых в концентрированном виде отражается авторское восприятие мира, они передают наиболее актуальные для автора оценки и смыслы. Вторые дополняют и расширяют семантическое пространство текста, с их помощью раскрывается многогранность жизни и состояния человеческого духа.

Авторы умело используют как семантическое, так и грамматическое своеобразие слов категории состояния и сознательно акцентируют их присутствие в структуре поэтического текста: располагают в сильной позиции (в начале/конце стихотворения либо в начале/конце строфы), повторяют и вводят в конструкции, идущие рефреном, включают в простые и развернутые (на уровне строфы или всего текста) смысловые противопоставления, оксюморонные сочетания слов, актуализируя тем самым текстообразующие свойства лексем –

их способность организовывать смысловой центр стихотворения, участвовать в развитии темы и выражении основной мысли автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О теории поэтической речи // Вопросы языкознания, 1962, № 2, с. 14.
2. Лавров А., Тименчик Р. «Милые старые миры и грядущий век». Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избранные произведения. – Ленинград: Художественная литература, 1990. – С. 3 – 16.
3. Рождественский Вс. Марина Цветаева // Цветаева М. Сочинения: В 2-х т. – М.: Худож. Лит., 1984. – С. 3 – 22.

РЕЗЮМЕ

В статье речь идет о художественно-изобразительных возможностях слов категории состояния, анализируется их состав и роль в структурно-семантической организации поэтических текстов И. Анненского, Н. Гумилёва, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой и О. Мандельштама.

SUMMARY

The article is about artistically-pictorial potential of words of position category, their composition and their role in structurally semantic build-up of poetic texts of I. Annensky, N. Gumilev, A. Ahmatova, M.Kuzmin, M.Cvetaeva and O. Mandelshtam.

Напечатано: Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Выпуск пятый. – Гродно, 2005. – С. 211 – 226.

